

ЕВРИПИД

ФАЭТОН

Перевод с древнегреческого и реконструкция Вланеса

КЛИМЕНА

Меня зовут Климена. Это мой дворец.
Живу я в Эфиопии, но рождена
в морской пучине. Мать моя – Фетида,
отец мой – Океан, законный мой супруг –
*царь Мероп, государства этого владелец,
сюда же со своей квадриги Гелиос,
вставая, мечет первый пламень золотой.
Наш край прозвали чёрные соседи светлой
конюшней Гелиоса и богини Эос.*
Сам бог живёт недалеко в своём дворце,
за лошадьми ухаживает и растит
прекрасных дочерей. Он выезжает утром
в своей квадриге, направляя вдаль лучи.
Поскольку мы к нему находимся всех ближе,
то кожа наша сохраняет белый цвет,
а эфиопы по соседству получают
лучи пожарче, отличаясь чёрной кожей.
*Так пламя бога, над землёю восходя,
жжёт земли дальние, а ближние лишь греет.*
Когда была я молодой и плавала,
нагая, во владеньях моего отца,
с небес меня блистающий увидел бог,
и взял меня, и был со мною до тех пор,
пока не понесла я. Мой отец тогда
поспешно мужа отыскал мне, Меропа,
тем самым оказав ему большую честь.
Так вовремя родился сын мой, Фаэтон,
что Мероп твёрдо убеждён в своём отцовстве.
Гордится сыном он и хочет, чтобы тот
скорей женился и правленье царством принял.
Так получилось, что мой муж и Гелиос
женить решили Фаэтона на одной
из Гелиад. Конечно, Мероп очень счастлив,
что с богом породнится, не подозревая,
что заключится брак меж братом и сестрой
и что разбавлена не будет кровью мутной
кристально чистая божественная кровь.
Приятен Гелиосу тоже этот брак:
к себе приблизит сына он, да и меня
привяжет крепче. Он меня не отпускает,
целуя всякий раз, когда я выйду днём
на улицу, и проникая в дом и спальню

сквозь щели ставней и дверей. Я чувствую прикосновенья бога к телу своему и ласки золотые. Это быть должно: что раз принадлежало богу, то всегда ему принадлежит. Но что же делать мне? Подрос мой сын уже, он вовсе не похож на Мeroпа, да и соседство с Гелиосом грозит раскрытьем нашей тайны каждый день. Непредсказуемы поступки божества, и я живу в тревожном напряжении. Сказать ли Мeroпу о том, что не отец он Фазтону, вызывая страшный гнев, поскольку муж, как честолюбцы все, ревнив и, пользуясь законной властью, нас прогонит в пустыню или попросту велит прирезать? Возможно, Мeroпа удастся умолить: он старый, Фазтон – единственный наследник. А, может, промолчать, надеясь, что судьба всё так оставит под своим покровом пёстрым? В каком я положении: любовница и не любовница, жена и не жена! Мой сын жениться не желает, заявляя, что молод он и ценит общество друзей, гимнастику, охоту, развлечения, притом он чувствует, что недостойн взять полубогиню в жёны, что не может муж быть ниже, чем жена. Такие вот причины. Поэтому пришлось мне разъяснить ему, что сам он полубог и должен стать царём, тогда и Мeroп, даже если всё узнает, не будет властен ничего над нами сделать. Но сын мой слишком юн и недостаточно податлив, чтобы непонятное принять. Не верит он и думает, что я и Мeroп пытаемся его заставить в брак вступить. Но вижу я, что Фазтон идёт сюда. Как я надеюсь, что он передумал, боги!

ФАЭТОН

Сегодня всё нам обещает жаркий день. Ты почему так рано встала? Я уже закончил упражнения и лошадей готовлю для охоты. Скоро папа мой покатится по небу, мне подмигивая.

Кл. Ты шутишь всё! Не понимаешь, как серьёзно сложились обстоятельства. Что ты решил?

Фазт. Что я могу решить по поводу бессмыслицы?

Кл. Бессмыслицы? Ты почему не веришь мне?

Фазт. Послушай: не по мне *общение с богами*.

Я знаю, что тебя ко мне *отец послал.*

Кл. Устроил Мероп для тебя прекрасный *брак*, ты должен взять жену и тоже стать царём.

Фаэт. Не надо, мама. Гелиос не мой отец. И не по вкусу мне неравный этот *брак.*

Кл. Я стану ли на бога наговаривать? Родился ты от золотого семени. Смотрю я на тебя и несомненно *вижу*, что ты от прочих отличаешься людей.

Фаэт. Я одного не в состоянии понять: зачем для кратких церемоний *свадебных* нужна такая ложь тебе, да и *отцу*? Он сына женит и откажется от сына? Ведь станет Гелиос и тестем, и *отцом.*

Кл. Я, мать твоя, тебя *родившая прекрасным*, ещё раз говорю, что ты *богини ложа* вполне достоин! Зря *твердишь ты непрестанно*, что смертному не стоит созерцать *богов*. Зачем ты воспротивился моим *надеждам*, зачем не думаешь о будущем своём? Мы тихо тут живём и, верно, *забываем*, что Мероп своего родного сына *любит*, не пасынка! Твоя удачная *женильба* спасти нас может. Как ты этого не видишь? Какие нам с тобою беды *горькие* придётся испытать, какие униженья! Ты знаешь Меропа. Когда *раскроет, чей* ты сын... Он полную над нами власть имеет.

Фаэт. Ну хорошо. Мне это кажется безумным, но я проверю то, что ты *сказала мне*. Я встречу моего, как говоришь, *отца* и посмотрю, какую выкажет он радость, увидев сына своего *любимого*.

Кл. Иди, позволь спасти мне *всё, что дорого*: ты знаешь, Гелиос живёт неподалёку. Он только что проснулся во дворце своём. Возьми быстрейшего коня и отправляйся. Ты скоро будешь там. Бояться нет нужды: тебе обрадуется он, я знаю точно, как будущему мужу дочери своей. *Напомни богу, что сказал он мне когда-то на ложе, и проси своё желание исполнить: но лишь одно, не больше. Если выполнит – рождён ты богом. А если нет – я лгунья.

Фаэт. Но как войти мне в дом палящий Гелиоса?

Кл. Присмотрит он за тем, чтоб не обжечь тебя.

Фаэт. Раз он отец мне, ты разумно говоришь.

Кл. Поверь, ты ясно всё со временем узнаешь.

Фаэт. Ну ладно, хватит. Верю я, что ты не лжёшь. Иди же в комнаты: уже выходят к нам рабыни, подметающие дом отца.

Они несут сюда для ежедневной чистки
дворцовое имущество и местными
окуривают благовоньями все входы.
Покинув сны свои, отец мой престарелый
пройдёт сквозь двери, начиная говорить
о браке с нами. Я же к дому Гелиоса
отправлюсь, мать, и посмотрю, права ли ты.

ХОР

Эос только что пришла,
поскакала по земле,
над моею головой
растворился хор Плеяд,
на деревьях соловей
зазвучал воздушной трелью,
запечалился чуть свет
безутешно: «Итис! Итис!»

Задудели на горах
пастухи своим стадам,
побежал на луг табун
золотистых жеребят,
собираются псари
на звериную охоту,
в океанской синеве
сладкогласный лебедь кличет.

Заработали вёсла летучих судов,
погоняемых воздухом лёгким,
моряки паруса поднимают, крича:
«Приведи нас, владычица ветра,
по спокойной пучине морской,
при безмолвии бурь,
к нашим детям и ласкам возлюбленных жён!»
Вздулся полог уже до середины каната.

Это, впрочем, пускай беспокоит других,
у меня же в честь свадьбы господской
есть и право, и страсть выводить гименей:
начинается светлое время
для господ, позволяя рабам
смело, радостно петь:
может что-то, однако, судьба и родить,
тяжкий, тяжкая, ужас на дом напуская.

Назначен этот день для совершенья брака,
давно об этом я молилась,
и вот пришла пропеть любимый гименей
властителей моих любимых.
Бог дал и время сотворило

свадьбу моим повелителям.
Пусть совершенная брачная песня раздастся!

Но вот уже у двери появились царь,
сын Фазтон и жрец-возвестник,
все трое словно вместе запряжённые.
Наполнить нужно рты нам тишиной:
он выскажется о вещах великих,
желая сына узами священными
с невестой накрепко связать.

ВЕСТНИК

Вы, жители просторов Океана,
теперь молчите!
Из обиталищ ваших выходите,
спешите, люди!
Я ныне царский праздник возглашаю,
слова царёвы,
детей обилье в браке: для того
сюда мы вышли!
Отец и сын желают в этот самый день
устроить брак. Но пусть народ пока молчит!*

МЕРОП

Народ, скажу я кратко. Для речей теперь
нет времени. Готовиться нам нужно к свадьбе.
Узнайте, что сегодня сын мой Фазтон
дочь Гелиоса самого получит в жёны.
Достойное вознаграждение для сына
великого царя, каким являюсь я!
Конечно, от богов мы много получаем,
но можно чем-то и богов обогатить.
Вы все дела свои сегодня отмените,
домой ступайте, подметите во дворе
и помолитесь перед каждым алтарём,
ни одного не пропуская, чтобы боги
к венчанью сына благосклонно отнеслись.
А ты, мой сын, останься. Нужно нам с тобой
ещё поговорить о предстоящем браке.

Фазт. А можно после побеседовать? Спешу я.
Мер. Тебе одна должна быть спешка: в жёны взять
одну из Гелиад. Какую – сам решай.
Младенчество пора оставить, нужно делом
заняться. *Если я разумно говорю*,
ты должен видеть, что такой нам больше случай,
наверно, не представится. Сам Гелиос
желает породниться с нами! Это просто
великолепно! Мы царями станем оба,
с которыми считаться будут все соседи
и *от кого* приказы будут получать.

Готов я соправителем назначить сына,
зависит от тебя моё постановление.
*Так не хранится судно якорем одним,
как если спустишь три: один глава страны
непрочен – поддержать его другим неплохо.
А силу* ты немалую приобретёшь,
женившись на своей божественной невесте.
Вся зелень поспевает *в браке*: станешь ты
совсем *другим* – властителем и воином!
Отдаст свой ветхий трон тебе старик-отец,
и, молодой правитель, ты его укрепишь
выносливостью полноцветной *юности*.
Мне бог не даровал наследника другого,
поэтому, мой *сын*, ты подчиниться должен
тому, что хочет любящий тебя *старик*.
Родителей не постигают *молодые*,
настолько заняты они своею жизнью.
Ужасное непониманье выгоды,
усердые, не в ту сторону направленное!
Всё царство пред тобой, распаханное поле:
упав зерном в него, разбухни, прорости!
Царём *имея* сына, буду я спокоен,
что, если чёрная болезнь меня *похитит*
иль плоть мою пожрёт голодная *война*,
я не оставлю на земле своей *печаль*
и запустение, как я всегда *боялся* –
но ты приобретёшь наследие моё.
Когда отцом ты станешь, ты меня поймёшь,
старая *и живя* в покое и довольстве.
Ты женишься сегодня. Это решено.
И не подумай начинать со мною снова
об этом спорить и не смей перечить мне!
Готова *пашня* и зерно уже налилось.
На зависть *всем* заколосится скоро поле,
и боги, *посмотрев* на славный урожай,
возрадуются с нами благу *чистому*!
Понятно. Ты всегда красиво говоришь.
Но мне совсем неинтересно тут царить,
командовать рабами, вымогать дары
у чёрных эфиопов. Связанный женой
с её приплодом, страхами за государство,
наинесчастнейшим я стану человеком.
Ходить в расшитом балахоне, словно тень
от тянущейся к солнцу башни золотой,
корону поправляя на седых висках,
отхлёбывая чёрное вино из кубка –
нет, это не по мне. Иная мне корона
приятнее, из утреннего воздуха
и света сотканная, и вино иное,
текущее по пальцам утренней зари,

Фаэт.

как ароматные рубиновые капли,
когда скачу я на игреневои коне,
друзьями окружённый, рыжих настигая
импал, и чувствую, что не руками я
натягиваю лук, а всей душой своей!
Ценю я даже больше тихие минуты,
когда друзья уходят хворост собирать,
огонь разводят и поджаривают мясо,
а я стою, вдыхая серебристый дым,
смотрю с утёса вниз, на синие долины,
и если бы совсем я смог себя уверить,
что бог я, тотчас оттолкнулся бы ногами,
взлетел бы в небо и взошёл бы, как второе
светило, никогда не знавшее заката.
Как мне хотелось бы взлететь, пусть я и смертен!
Но я осознаю, что это невозможно,
несвойственно моей пониженной природе.
Я разрываю лишь своим воображеньем
оковы тягостного тела, но они
срастаются опять, как только отвлекусь я.
Мне кажется, что я способен превозмочь
какой угодно ужас, лишь бы взвиться в небо,
куда меня влечёт с невероятной силой,
как будто там и есть мой настоящий дом.
Я сам не понимаю, что я говорю...
Когда не отправляемся мы на охоту,
то маслом золотистым умащаемся,
к борьбе готовясь. Нравится мне чувствовать
язык стригила на моей звенящей коже,
волной пунцовой отвечающей ему,
и мило мне сжимать нагое тело друга,
скользящее в замке моих упругих рук,
а после прыгать в озеро и леденеть
клинком, который точно выкован из неба!

Мер.

Нет, сын мой, ты красноречивее меня.
Однако поступи, как я тебе велю.

Фаэт.

И не подумаю. Я всё тебе сказал.

Мер.

Ты ветер выпусти из головы своей.

Фаэт.

Пусть ветер в голове – зато свободен я.

Мер.

С моею жизнью кончится твоя свобода.

Фаэт.

Наоборот – она тогда начнётся лишь.

Мер.

Ты знай: продержатся друзья твои недолго...

Фаэт.

Моим друзьям я доверяю, как себе.

Мер.

... у трона непутёвого властителя!

Фаэт.

Начну по-своему страной я управлять.

Мер.

Начнутся заговоры, и тебя низвергнут.

Фаэт.

Я буду сам тогда решать, что делать мне...

Мер.

Твои друзья тебе же горло перережут.

Фаэт.

и буду сам повелевать своею жизнью...

Мер.

А если нет, придут с оружием соседи...

Фаэт. ...не следуя тому, чего желаешь ты!

Мер. ...тебя зарежут, как барана, во дворе,
и выволокут мать твою за волосы,
и выпотрошат жадно сундуки мои.
Цепями весь увешан, словно подлый раб,
объедки у свиней ты будешь вырывать,
не антилоп стрелять! Фаэт. Совсем я не похож
на жениха, который сам собой торгует.
*Свободный, он становится рабом постели,
и тело продаёт, гоняясь за приданым.*

Мер. Я вижу, не готов ты быть правителем.
Зачатый мною, ты меня не понимаешь.
*Я глупостью считаю это между смертных:
имущество отца дать сыну или власть
согражданам, когда они тупоголовы.*
Но нет мне выбора. Я стар уже, и бог
не станет ждать, пока мы соблаговолим
на дочери его жениться. Так что слушай:
сегодня свадьба. Думай, что тебе угодно,
но выполняй отцовское веление,
иначе я тебя отсюда изгоню,
и ты посмотришь, как тебя соседи примут
и каково вдали от родины скитаться.

Фаэт. *Нам родина везде кормилица-земля!*

Мер. Тебя предупреждаю: не играй с огнём!

Фаэт. Отец, послушай: не отправиться ли мне
на быстром скакуне в обитель бога солнца,
чтоб самому на дочерей его взглянуть
и выбрать ту, которая мне понравится,
и привезти её к началу торжества?

Мер. О, видно бог к тебе какой-то снизошёл
и бросил на язык твой дивные слова!
Какой ты мудростью внезапною расцвёл,
как сердце старика-отца возвеселил!
Незамедлительно в дорогу отправляйся,
но только будь к полудню дома, во дворце,
а я заранее твой выбор одобряю,
дочь Гелиоса нам любая подойдёт.
Вези её сюда! Я побежал готовить
приятнейшее торжество и вместе с хором
разучивать сладкотекущий гимней.
Эй, раб! Пстой, немедля... Фаэт. Взбалмошный старик!
Умчался, позабыв про царскую надменность,
не терпится ему стать сватом Гелиоса.
Я не могу пожаловаться на него,
отец он неплохой. Дал воспитанье мне,
которое прилично сыну царскому,
и, в общем-то, меня особо не стеснял,
хоть я и обвинил его сейчас в тиранстве.
Однако я любви не чувствую к нему,

и к этому дворцу, в котором беззаботно
провёл я детство, глубоко я равнодушен.
Как странно... На моём бы месте многие
счастливыми себя считали, я же всё
брожу, как неприкаянный, с отцом ругаюсь.
То кажется мне, я большего достоин:
каких-то замков, облаков, каскадов света,
взмываний вверх под шелестящим сводом крыл,
то чувствую, что не могу я в жёны взять
дочь бога. Как всё проще в поле, на охоте:
вот лань, вот конь, вот лук. Скачи, дыши, стреляй.
А здесь я не могу схватить себя руками
своей души. Стоит она и воздух ловит.
Себе стрелу напоминаю я без лука:
остра, тонка, но совершенно бесполезна.
А, может, правду мама говорит, что я –
сын Гелиоса? Может, правда полубог я?
Нет, в это трудно мне поверить. Почему же
молчал так долго мой божественный отец?
Наверно, я ему совсем не нужен был,
о полукровках боги часто забывают...
Но почему теперь захочет всё раскрыть он,
разрушив дом, в который дочь свою пошлёт?
Всегда воображает мама самое
ужасное, тревожась, как все женщины.
Не выношу я Меропа. Брюзглив и жаден,
становится он чем богаче, тем тупее.
Всё бегаёт, слюной от счастья капает,
мечтая золота и славы наглотаться.
*Ужасно это, но богатым от рожденья
дано быть глупыми. Что этому виной?
Богатство слепо, людям ум оно туманит,
самих их делает слепыми, и судьбу их.*
Конечно, тошно связывать себя женой,
но мне без этого никак не обойтись.
Мне больше Мероп жить не даст, как я хочу,
да и невесты лучшей не найти, он прав.
А, может, бросить всё и ускакать отсюда?
Куда? Не знаю. Как приятно греет щёку
пунцовый луч, скользнувший по деревьям сада.
Нет, надо действовать. Я встречу бога солнца,
раскрою медленный бутон своей судьбы
и посмотрю, какой там прячется цветок.

Хор

Уже несётся конь игрневый, накормленный
душистым зерном: божественное
с божественным на земле встретится,
как две капли золота в плавильне чёрной.
Не нужно сыну бояться лучей родителя,
не тронет солнце чадо своё любимое.

Уже колесница стоит у входа, и кони крылатые
нетерпеливо землю копытом бьют.

Войдёт во дворец он, увидит стол сияющий,
уставленный вином и душистыми яствами,
увидит и самого бога великолепного,
и дочерей его: золотовласую Меропу,
Гелию голубоглазую, Эглу хрупкую,
и белорукую Лампетию, подающую в золотой чаше
землянику смеющейся Фебе,
высокогрудую Этерию, изящную Диоксиппу.

Сядет за стол, переводя глаза
с одной на другую, жену себе выбирая,
но как тут выберешь? Как скажешь: вот эта лишь?
Задумается он, водя пальцем по нежно звучащей каёмке
кубка, украшенного зверями и птицами,
а статуи месяцев будут протягивать
из затемнённых ниш
чаши с дымящимся ладаном ливийским.

Кто раз попробовал мёд звуков, богом произнесённых,
не сможет уже внимать словесам смертных,
кто раз побыл под крышей, из неба сотканной,
не сможет смотреть на кирпичи обожжённые,
кто раз вкусил яблока, протянутого рукою белой,
станет мечтать иначе, мыслить
слишком легко и смело,
не чувствуя, где нужно остановиться.

- Мер. Ну что, жена моя, умчался Фэтон.
Сказал, что скоро привезёт сюда невесту.
Моей победой увенчался разговор:
известно мне, как сына слушаться заставить.
- Кл. Надеюсь, дома он застанет Гелиоса.
Мер. Застанет. Колесницу золотую утром
помыть и подготовить надо, а пока
стоит она и ждёт, её лучи сияют
и утра первые часы животворят.
- Кл. Я вижу, показался *сгусток золотой*
над зубчатой короной белых кипарисов.
Бог, значит, выехал. От сына скоро мы
узнаем всё. Обратный путь всегда короче.
- Мер. Ты представляешь: я и Гелиос! Вдвоём!
Конечно, после свадьбы нас он пригласит
к себе, и за божественный мы сядем стол.
Сам Гелиос вино мне будет наливать...
- Кл. Для этого есть виночерпий у него.
Мер. ... и много почестей других окажет мне,
как мудрому царю, и тестю своему,

и собеседнику очаровательному.
А уж потом и сам пожалует сюда
в какой-нибудь дождливый день, чтоб с нами вместе
и вечер провести, и следующий день.
Нам нужно северное вычистить крыло
дворца, отдай немедленно распоряженья.
О, я всегда хотел до старости дожить,
но до такой! Отец мой и во сне не видел
тех почестей, какие сын его познает.
Лишь я был выбран Океаном... Кл. Слушай, Мероп!
Что это? Гром? Не дождь ли собирается?

Мер.

В такое время года небеса молчат.

Кл.

А что тогда прогрохотало в облаках?

И воздух потемнел, и замолчали птицы.

Как жарко стало! Я сниму накидку эту,
а час назад её от холода надела.

Мер.

Ты не больна ль? Кл. Кто знает... Мер. Накануне свадьбы
то в жар, то в холод всех родителей бросает.

Становится мне тоже нелегко дышать.

Волнуюсь я. Пойду хлебну вина, а после
займусь разучиваньем гимна с девушками.

Хор

Затуманилось небо хрустальное,
птиц не слышно на бежевых яблонях,
кипарисы лишь бледные тянутся
к одиноко летящему облаку.

Но не будет затмения долгого:

колесница на небе покажется,

и колёса, окованы золотом,

снова лягут в привычные борозды.

Мы не властны над тем, что случается
в складках неба, для нас необъятного,
не набросить уздечки нам шёлковой
и на сердце, бездумно взлетевшее.

Встала Эос в хитоне узористом,

растопырила пальцы лиловые,

и с ладони её, словно яблоко,

сердце в пыль покатилося глубокою.

Кл.

Как это ожидание невыносимо!

Как долго тянется упрямый этот день!

Всё шатко. Время из-под ног моих уходит.

Как будто бродишь по морской воде, покрытой
упругим слоем красноватых водорослей.

Мы развлекались так с моими сёстрами,

я не забыла. Вот идёшь и думаешь:

теперь провалишься под воду или позже?

Тогда светлейшим обладала телом я

и шелковистыми, воздушными ступнями,

теперь же вся отяжелела, огрубела,

урывками живу, от страха замирая,
и твердь земная представляется мне зыбкой
лазурью моря. Мой отец и не подумал,
какую жизнь мне уготовил среди смертных.
Что ж будет? Чем приветит сына Гелиос?
Исполнит ли желание, докажет ли
своё отцовство? Или прочь его прогонит?
Не терпят боги никаких напоминаний
о клятвах, ими раздаваемых охотно,
пусть даже после самых пламенных обещаний.
Да и какую мне любовь оставил он?
Как можно мне любить вселюбящего бога,
которого желает страстно целый мир?
Моя душа потонет бледным огоньком
в крылатом пламени, на небо восходящем.
Привыкла с Меропом я жить, но эта жизнь
теперь неузнаваемо изменится.
Что если Гелиос оставит Фазтона
в своём дворце и всё расскажет Меропу?
Что если выгонит, и Мероп всё узнает?
Тогда никто за нас не сможет заступиться
перед властителем, супругом и отцом,
а Гелиос прекрасным светом нас окатит,
когда нас поведут колесовать на площадь.
Сегодня очень блёклый день, и солнца нет,
и небо как-то призрачно озарено,
как будто буря к нам песчаная подходит.
Я чувствую, что распадаюсь понемногу
и достигаю той ступени, где усилие,
которое мне нужно для последнего
противодействия превосходящей силе,
меня же переломит. Хор Посмотри, Климена!
Вон появился воспитатель Фазтона,
а это значит, что они уже вернулись.
Конечно, Гелиос их принял дружелюбно.
Смотри, как он летит, с какою лёгкостью
переступает одряхлевшими ногами,
забыв о возрасте своём! Так можно бегать
лишь принося счастливое известие.
Всё хорошо. Не стоило переживать!

ВОСПИТАТЕЛЬ

Царица! Слушай! Я примчался во дворец,
как мог скорее. Нечто страшное случилось!
Кл. Что говоришь ты? Что могло произойти?
Восп. Дай дух перевести. Мне трудно отвечать.
Кл. Не мучь меня! Скорее говори! Давай же!
Восп. Твой сын погиб. Упал он с колесницы бога.
Кл. Как ты сказал? Погиб? В глазах моих темно.
Восп. Погиб наш Фазтон! Мой ученик любимый!

Кл. Старик... Немедленно рассказывай мне всё!
Немедленно! И ничего не пропусти.

Восп. Сейчас, царица! Расскажу всё по порядку.
Как жутко смотришь ты! Как вся ты посинела!
Как блещут льдом глаза, ещё не в силах плакать!

Кл. Ты на меня внимания не обращай.
Давай, к рассказу приступай сию минуту!

Восп. Мы к богу солнца поскакали с Фаэтоном.
Сначала был он мрачен, но потом и скачкой,
и свежим воздухом степи разгорячён,
забыл про чёрные заботы и летел,
упав на гриву тонконового коня:
с большим трудом я не терял его из виду,
и вскоре мы у дома Гелиоса были.
Сначала я боялся, что мы заживо
сгорим в такой близости от жгучего светила,
но чем мы ближе подходили, тем прохладней
казался воздух. У ворот кедровых
раскинулся вечноцветущий сад, а там
по-голубиному фонтаны говорили,
переплетаясь, как янтарные косички
голубоглазой иноземной девушки.
Ворота были приоткрыты, на площадке
стояла гордо золотая колесница,
блистая спицами начищенных колёс,
волнистым синим воздухом окружена.
Когда увидел Фаэтон её, то весь
осунулся, и помрачнел, и замолчал.
Прошли во двор мы, а потом и в самый зал:
в нём не было углов, но совершенной сферой
перед глазами пробегали стены. В нишах
Дней, Месяцев, Годов, Столетий и Часов
стояли статуи в размерном порядке.
Весна, увенчанная пышными цветами,
нагое Лето с плетеницей из колосьев,
запятнанная виноградным соком Осень
и хмурая Зима, седая, в белом платье.
Стол яшмовый стоял посередине зала,
сам бог сидел за ним, заканчивая завтрак,
в накидке, выкрашенной дорогим шафраном:
браслетами сверкали крепкие запястья,
по локонам змеились нити золотые.
С ним дочери его, одна другой прекрасней,
как птички, щебетали и смеялись дружно.
Поднялся Гелиос, увидев Фаэтона,
прижал его к себе и усадил за стол,
приказывая слугам выводить коней,
а сам помедлил ради гостя дорогого.
Сначала Фаэтон не мог ни слова молвить,
придавлен дивной роскошью и близостью

блистающих созданий. Он переводил
глаза с одной полубогини на другую,
отхлёбывая жадно красное вино.
Потом, однако, осмелел, разговорился
и на вопросы бога начал отвечать.
Но Гелиосу нужно было отправляться
на колеснице объезжать небесный свод.
Он Фэнтону предложил невесту выбрать
и ехать с ней домой, а он, труды дневные
закончив, сам прибудет ранним вечером
на свадьбу дочери к любезному соседу.
Тут вспыхнул Фэнтон: «Жених я недостойный
и не могу полубогиню в жёны взять.»
Был Гелиос уже в дверях. Оборотившись,
он рассмеялся и ответил: «Ты об этом
не беспокойся, потому что я отец твой.
Не притворяйся, что ты этого не знаешь.
Вчера я слышал сам, по небу пролетая,
как мать твоя, Климена, всё тебе раскрыла.»
«Я матери моей ни капли не поверил,
поэтому к тебе сегодня и приехал,
чтоб доказательство отцовства получить.»
Заржали кони во дворе нетерпеливо,
а Гелиос: «Какое доказательство?»
«Когда ты с матерью моею возлежал,
покаялся ты её желание исполнить,
так я пришёл желанье это получить.»
«Меня Климена не просила ни о чём
и оставалось неостребованным слово.
Прекрасно, говори. Клянусь, что всё исполню.»
«Хочу я на твоей проехать колеснице
по небу, правя златогривыми конями.»
Нахмурился бог-солнце, и на ясные
глаза его нашла сиреневая тень.
«Раскаиваюсь я в своей поспешной клятве,
которой связаны бывают даже боги.
Пожалуйста, проси чего-нибудь иного.»
Но юноша стоял упорно на своём,
вперив глаза в огромный белый асфодель,
украшивший подол нахмуренной Зимы.
«Мой сын, задумал ты опаснейшее дело.
Как смертный справится с задачей, что и богу
с таким трудом даётся? Даже Громовержец
не сможет в колеснице этой прокатиться,
не говоря уже о прочих божествах.
Я день за днём, в течение тысячелетий,
учился править непокорными конями.
Смотри, какие борозды глубокие
остались на моих ладонях от вожжей!
Мой сын, таких коней ты никогда не видел:

их гривы сотканы из пламенных ветров,
их шеи согнуты подобно луку Феба,
державшему четыре бешеных стрелы!
Так никакая птица в небо не взвьётся,
как эти кони. Первая же часть пути –
крутой подъём, когда трясёт всю колесницу
и воздух раскалённый в лёгкие течёт;
вторая часть – с ума сводящая бездонность
нависшего над нами тяжкого пространства
и головокружительная высота
под нами: горы, континенты, океаны!
Ты что же думаешь: там города и страны,
и боги в развевающихся одеяньях?
Там пустота и ветер, больше ничего!
Лишь дальние созвездия во мраке блещут:
Стрелец из лука в горло целится твоё,
протягивает Рак звенящие клешни,
и Лев убийственными скалится резцами,
и Скорпион мясистое сгибает жало.
Ты, словно ломтик хлеба, в космос окунёшься
и, весь пропитанный густым его вином,
исчезнешь в пасти ненасытной чёрной бездны.
И если даже волшебством каким-нибудь
избегнешь гибели, то как ты путь закончишь,
с безумной высоты ввергаясь в океан?
Сама Фетида там от ужаса трепещет,
когда я к ней спускаюсь.» Фаэтон молчал,
смотря перед собой. Подумав, Гелиос
промолвил: «Будь по-твоему. Такая, видно,
тебе судьба назначена. Не налегай
на кнут особо. Правь уверенной рукой.
Путь знают кони, лишь мешать не надо им
своим невежеством и страхом.» Вышли мы
из дома, подошли к изящной колеснице,
узористой, почти парящей над землёю,
вершине мастерства могучего Гефеста.
Коней же Гелиады приняли от слуг:
при виде тех неописуемых зверей,
Эоя, Пирознта, Эфона, Флегонта,
водящих огненными, страшными глазами,
чуть не упал я в обморок, а Фаэтон
весь побледнел и содрогнулся, но, смотря,
как смело девушки с конями обращались
и как ошейники уверенно крепили,
встряхнулся и взошёл в уже дрожащий кузов.
А Сириуса к богу солнца подвели,
пока давал он наставленья Фаэтону:
*«Гоня коней, не заезжай в эфир ливийский:
там влага с воздухом не смешана, и обод
провалится*, всегда держись по центру неба,

не слишком подъезжай к созвездию Тельца,
чтоб *три Гиады* нас с тобой не утопили,
*но колесницу направляй на семь Плеяд.»
Услышав это, юноша схватил поводья,
ударил по бокам крылатых жеребцов,
пустил их вскачь и полетел в эфир слоистый.
Отец же позади, на Сириуса сев,
скакал и сына наставлял: «Туда веди!
Сюда колёса поворачивай, сюда!»*
Раскатистый ещё я слышал голос бога,
и вроде всё вначале шло благополучно,
уже вздохнул я с облегчением, как вдруг
тряхнуло резко колесницу, и она
описывать зигзаги в небе начала,
клонясь, подсакивая. Очевидно, кони
почувствовали неумелость ездока,
и неуверенно натянутые вожжи,
и колесницы необычно малый вес.
Как понесли они! И как заржали дико!
Туда-сюда швыряло кузов, из борозд
колёса повыскакивали и, визжа,
зеленоватый слой эфира проминали.
А кони, окончательно остервенев,
каким-то страшным крюком в небе развернулись
и понесли к земле. Как повезло всем нам,
что это было лишь недолго, потому что
вдали уже трава дымиться начала
и раздавался жуткий крик гиппопотамов,
живьём варящихся в озёрах закипевших.
Метнулись жеребцы по направлению к нам
и просвистели над моею головою,
взмывая снова в небо. Лишь на миг
я Фаэтона увидал, его лицо,
обезображенное ужасом, и рот,
как чёрная дыра, зиявший в клубах дыма.
Он вожжи бросил и за голову схватился
обеими руками, тут его тряхнуло
ещё раз, и взлетели ноги вверх, и он
упал на дно ломающейся колесницы,
взмывавшей выше, выше огненным комком,
сдирая кожу света с чёрного пространства.
На землю стали падать капли смоляные,
сочась из тела исцарапанного ночи.
Казалось, ночь вот-вот обрушится на землю,
и всё смешается в безликой смертной тьме...
Но вдруг раздался свист, и воздух пропорола
извилистая молния, упругая,
подобная внезапно прыгнувшей змее.
Как саданёт по кузову! Как загрохочет!
Как брызнет пламя! Колесница тут кругами

вниз полетела, укрупняясь, оставляя
на палевом холсте багровый влажный след,
как на картине, намалёванной безумцем,
и с гулким звуком в землю врезалась, за садом.
Стоял я и совсем не мог пошевелиться,
но постепенно плоть моя оттаяла
и побежал я к саду, плача, задыхаясь.
Там я увидел то, о чём хочу забыть:
упала колесница в медленную реку,
текущую за рядом грушевых деревьев.
Разбрызгалась вода, земля совсем размякла,
как после зимнего трёхмесячного ливня.
У берега реки был небольшой овраг,
и в нём лежало тело сына твоего,
обугленное, испуская чёрный дым.
В реке валялся кузов опрокинутый,
вниз по течению лежало колесо,
как глаз утопленника, из воды глядящий.
Коней не видел я нигде: они, должно быть,
в сад ускакали. Не могу поверить я,
чтоб молния могла убить зверей бессмертных.
Был Сириус надёжно к дереву привязан,
крутил он головою и кусал уздечку,
а Гелиос в реке стоял и, погрузив
по локоть руки в воду, спицы доставал
и медленно на берег складывал. Казался
спокойным бог, но от спокойствия такого
я чуть не умер. Гелиос поднял глаза:
«Вот видишь, – говорит, – что сын мой натворил.»
И замолчал. Потом: «Скажи теперь домой.
Климене всё скажи. Пускай начнёт готовить
обряд необходимый. Скоро я пришлю
ей тело сына, а потом и сам приду,
закончив как-нибудь проклятый этот день.»
Вот я и прискакал. Прости меня, Климена,
что весть подобную... Кл. *Сыночек мёртвый мой
лежит в овраге, необмытый, разлагаясь.*

Восп. Царица, посмотри: проходят через ворота
молчашие, напуганные пастухи.
Носилки с ними, на носилках... Боже мой!

Кл. Иди, вели сюда им принести сыночка.
Иди, не медли. Постою я тут одна.

Восп. Бегу, царица. Не волнуйся ни о чём!

Кл. Как трудно мне дышать... Как в голове стучит...
И странно, что совсем не хочется мне плакать.
Гляжу вокруг, но ничего не узнаю.
Чей это дом? Чьё это небо? Чья земля?
Держись, Климена. Мы в опасности большой.
Сожми себя в кулак. Потом оплачешь сына.
Узнает Мероп обо всём, ведь старика

заставить правду говорить совсем нетрудно,
хоть он и верен мне, и столько лет молчал.
Уже заносят. Прикажу я тело спрятать
от Меропа. Мне подготовить надо мужа
и всё раскрыть ему, и попросить пощады.
Я лишь надеюсь, что свирепый эфиоп
дочь Океана не посмеет уничтожить.

- Хор Держись, Климена! Знаем, что невыносимо
терять единственного сына. Но помалу
страдание, пускающее в сердце корень,
окрепнет, прорастёт, распухнет, увянет.
Нет ничего непреодолимого для смертных.
- Кл. Всегда любил он упражнения и скачки,
стрелял, охотился, борьбою занимался.
Вот и подумал, что сумеет совладать
с несомладаемым. Вот и пропал, погиб!
*Легконосимый лук из дёрена мне гадок,
будь проклята гимнастика!* Будь проклята
божественная кровь, несущая гибель!
Взлетел он в небеса, *желанием охвачен*
с отцом сравниться! Бедный мой ребёнок!
- Хор Решила так неумолимая *судьба*.
Кл. Легко ли разорвать *злосчастные* тенёта?
Мой сын лежит передо мною. *Так, покинув*
сон этой жизни, отлетев навек *с земли*,
он завещал *богатство* скорби *моему*
скудеющему духу. Вот какая роскошь
досталась мне! Ни в чём не буду я нуждаться.
- Хор Ушёл твой сын и пепельный оставил *след*.
Кл. Что делать мне? Как Меропу *я всё скажу*?
Хор Решай! Избегни *мрака* гибельной *земли*!
Кл. Что делают с женой нечистой, *городу*
покажет он, даст волю злобной *тирании*.
- Хор Сочувствия в своей душе не знает *Мероп*,
и нелегко живётся людям тут *свободным*.
Стараются властителя *богатого*
ничем не растревожить. Казнь любую *город*
воспримет молча. Слово Меропа – *закон*.
- Кл. Я вижу ваше сострадание. *Спасибо*.
Нам нужно тело утаить. Я стала *мудрой*,
живя среди смертных, наблюдая их *дела*.
- Хор Как утаить? Такой ли смерти *ты желаешь*?
Не предавайся замыслам *невыполнимым*.
- Кл. От гнева Меропа меня спасёт *лишь хитрость*.
Хор Добра нам не видать. *Я это чувствую*.
Обратной стороной к нам повернулись *звёзды*.
Нет разрешения невыносимым *бедам*!
- Кл. Останется мой сын пока один, *во мраке*,
и не проведает никто, *в какой гробнице*

он тайно, словно царь низвергнутый, *упрятан*.
Помалкивайте вы, идя *по городу*!
И вашу клятву принесите мне в *залог*.
Хор Клянёмся обо всём молчать, как *мёртвые*!
Кл. Я верю вам. Нельзя ли обмануть *судьбу*
и выжить? Для чего? Но *нужно попытаться*.
Мой бедный мальчик! Как ужасен он теперь!
Обуглено всё тело! Волосы, как пепел!
Зачем ещё живу я? Что за мать я, боги?
Дымится мальчик мой, горит огнём сокрытым,
не дожидаясь погребального обряда
и жгучих языков, дающих слово смерти.
*Эриния в огне над мёртвыми ярится
и выдыхает искры пламени живого.
Погибла я! Что в дом не занесёте тело?
Мой муж, мой муж подходит, свадебные песни
горланя, предводительствуя девушками.
Нельзя ли побыстрее? Сотрите капли крови,
которые на землю, может быть, упали!
Скорей, рабыни! Спрячу я его в покое
из тёсаного камня, где лежит у мужа
всё золото: лишь я кладу печать на двери.
О светлозарный Гелиос, меня убил ты
и вот его! Ты Аполлоном верно прозван
меж ведавших названья скрытые богов.

ДЕВУШКИ

Гимен! Гимен!
Мы воспеваем Зевса дочь небесную,
Эротов повелительницу,
венчающую девушек Афродиту.
Владычица, тебе я пою эти брачные песни,
Киприда, прекраснейшая из богов,
и новозапряжённому твоему
жеребёнку, которого прячешь в эфире,
рождённому от брака твоего.

Ты для великого
царя города этого брак устроишь,
для вождя, любимого в золотом дворце,
усеянном звёздами, Афродита!
О счастливец, о царь, удачей возвышенный,
с богиней ты породнишься
и, единственный смертный свёкор
бессмертных, будешь воспет
по бескрайней земле!

Мер. Ступай и этих девушек веди домой.
Вели супруге во дворце устроить танцы
богам, с торжественными гимнами кружась

по комнатам и у сиденья Гестии,
где всякий, у кого есть разум, начинает
молиться небожителям.* Ступай же, раб!
На площадь сбегал я и только что вернулся,
ошеломлён толпою, мне желавшей счастья.
Потом, когда закончим танцы и молитвы,
чтоб жертву принести прелестной Афродите,
*из дома мы пойдём к святилищу богини.

СЛУГА

О господин, сюда из дома я примчался!
Там, где хранишь ты пышные сокровища –
всё золото – сочтется из щелей двери
клуб дыма смоляного, прямо изнутри!
Лицом припал я к щели, но огня не видел,
лишь чёрным дымом комната наполнена.
Спешу домой! Не напускает ли Гефест
свой гнев на нас, дворец сжигая пламенем
в канун приятнейшей женитьбы Фазтона?

Мер. Что ты несёшь? Дым жертв, сжигаемых в покоях,
в ту сторону летящий, ты, наверно, видишь.

Сл. Я всё вокруг проверил: дыма нет нигде.

Мер. Жена моя об этом знает или нет?

Сл. Она всё занята, богам приносит жертвы.

Мер. Что ж, я пойду. Когда легко относишься
к таким вещам, недалеко до лютой бури.
О ты, владычица огня и дочь Деметры!
И ты, Гефест! Мой дом, прошу вас, пощадите!

Хор Бедная я, бедная, куда же я
ноги крылатые поставлю?
В эфире ли, в невидимой ли
пропасти земли сгину?
Ах, горе, горе!
Несчастье всё раскроется!
Царица бедная и сын её,
внутри сокрытый, мёртвый!
О-то-то-той! И Зевса громовые
огнемечущие удары, и связь с Гелиосом!
Несчастнейшая, непомерно страдающая
дочь Океана,
иди к отцу, пади к его колену, моли убийство,
убийство плачевное, от шеи твоей отворотить!

Мер. (изнутри)

О горе, горе!

Хор Вы слышали, как стал стенать наш господин?

Мер. (изнутри)

О-о, дитя моё!

Хор Зовёт он сына бедного, а тот не слышит!*

 Вот он выходит, плача – это *ясно видно.*

 Что делать нам? Как господина успокоить?

Мер. Пропал я! Всё, конец мне!

Хор Мужайся, господин! Все смертные страдают!

Мер. *Ай-ай!* Как страшно я неким богом обманут,
 который гименей меня учить заставил!
 Звучащий дивно гименей,
 чтобы небо со мною возликовало!
 Но ты, мой сын, ушёл, отца не послушал,
 горькие *слёзы* ему оставил.
 Уже не пройти мне, зерно разбрасывая, напевая
 гименей с хором девушек чистых!
 Счастье моё недолгим было! Где ты, сын мой?
 Звать разве можно мёртвых из подземелья?
 Плакать лишь можно, рыдать безутешно.
 Ах, боже, боже! За что, за что мне такое?
 Чем я богов прогневил, кого обделил жертвою?
 Чей алтарь не украсил цветами благоуханными?
 Был разве такой ягнёночек безупречный,
 который не лёг на алтарь, истекая кровью?
 Боги, стальная грудь у вас, трухлявое сердце!
 Одна забота у вас – над смертными издеваться!

Хор Опомнись, господин! Не богохульствуй!

Мер. Идите, *призовите* сюда воспитателя,
 который ездил с Фаэтоном, и призовите жену *мою*,
 про бедствия наши ничего не знающую.

Хор Смотри, *вон человек из дома* появился,
 то старый воспитатель *сына* твоего.

Мер. *Ну ладно,* выходи, не прячься там за *дверью*!
 Рассказывай мне всё, *чтоб мы узнали* правду!
 Судьба приговорила Фаэтона к смерти,
 желанный брак распался волею *богини*!

Восп. *Беда мне!* Господин! Помилуй! Не казни!

Мер. *Стенай*, стенай! Тебя заставлю говорить я!

Восп. *Ай-ай!* Я весь дрожу, слезами рот мой полон!

Мер. *Вдвойне* поплачешь, если всё мне не расскажешь!

Восп. *Что* хочет господин, чтоб я ему *сказал*?

Мер. *Кто сына* моего убил? Выкладывай!

Восп. *Я знаю*, господин, но вымолвить боюсь.

Мер. Ты знаешь, что тебя заставлю я *ответить*.

Восп. *Мала* беда, пока ответа ты не знаешь.

Мер. Пусть *разрастается*: я всё желаю знать!

Восп. *Кто* сына *твоего* убил, тот всех сильнее.

Мер. Кто это? Говори же! Смертный или бог?

Восп. Сам Зевс. Он Фаэтона молнией ударил.

Мер. Что мелешь ты? Совсем, старик, ты помешался?

Восп. Нет, господин. Тебе я правду говорю.

Мер. Я ничего не понимаю. Что за бред!

Как это может быть? С ума сошёл я, что ли?
Немедленно мне всё рассказывай, старик!
Восп. Властитель, всё уже царице рассказал я...
Мер. Климена знает всё?! И не нашла меня?
Восп. ...ещё один рассказ мне сердце разорвёт.
Мер. Какое дело мне до сердца твоего!
Иди за мною в дом, чтоб нас никто не слышал.
Запомни: если утаишь хотя бы слово,
то проклянёшь ты мать свою, завидуя
последнему рабу, едящему помой!

Хор Кони Солнца потерянно
по земле бродят,
их гривы спутаны
в деревьях грушевых,
тонут копыта их
в размякшей глине.
Они не могут есть
эту траву горькую,
они не могут пить
эту воду тяжёлую,
они кричат, кричат...

Их гривы, расчёсанные
руками белоснежными,
путаются в деревьях грушевых.
Копыта их, вымытые
в сосудах из чистого золота,
глиной заляпаны.
Голубей воркование
уши режет им.
Речные капли,
на шкуру попавшие,
жгут их свинцом расплавленным.

Каждый глаз круглится, как зеркало
бронзовое, до блеска начищенное,
полное небом и временем,
каждая грива изгибается лирой
казнённого музыканта.

Не зовите, кони, возницу, не беспокойте:
он беспробудно спит и о вас не помнит.
Смог лишь ненадолго вас удержать он в небе
и выпал, как факел из голубой ладони,
и догорел дотла в овраге чёрном.

Мер. Климена! Я хочу с тобой поговорить.
Кл. Я слушаю тебя, мой муж и повелитель.
Мер. Коварная змея! Аидово исчадье!

Всех грязных дел твоих нельзя пересчитать.
На что надеялась ты? Я не понимаю.
Гадюкой влажной заползла ты в жизнь мою,
мне сердце прокусила тонкими зубами!
Но Меропа так просто ты не пересилишь:
я оторву тебя недрогнувшей рукою
и насмерть раздавлю на мраморном полу.
Кл. Не гневайся, прошу я! Выслушай меня!
Мер. Нет, это ты, злодейка, выслушай меня
и осознай, что ты заслуживаешь смерти.
Отец твой, Океан, избрал меня супругом
негоднейшей из дочерей своих! Меня!
Великого царя! Властителя пустыни!
Так вёл себя он, будто снисходил ко мне,
соблаговаливал со мною породниться,
скрывая от меня весь гнусный твой разврат
и Гелиоса похотливые объятья.
А я, дурак, ему поверил, разомлел.
Ну, думаю, теперь с богами породнюсь,
свой род обогащу божественною кровью.
И прожил столько лет счастливым рогоносцем
с нечистою женой и выродком негодным!
И мог бы никогда об этом не узнать,
дряхлая, точно шут, под дружный смех с Олимпа!
Но есть и над богами справедливость, есть!
Смотри, как всё раскрылось! Как ублюдка-сына
спалил огонь небес, карающий разврат!
С блудницей же я сам сегодня рассчитаюсь,
своим ножом тебе я горло перережу
и мерзкой кровью запятнаю эти стены.
Скорей всего, и тут спала ты с богом Солнца,
и после брака, после жертв и обещаний!
Как хорошо, что мать моя не дожила
до этого стыда! Своими же ногтями
она повыдирала бы тебе глаза,
пока я вынимал бы лезвие из ножен!
Кл. Давай, зарежь меня. К чему мне эта жизнь?
Размахивай ножом! Меня уже убило
другое лезвие, из солнечного света.
Как можно было мне сопротивляться Солнцу?
Не знаешь ли, что всё позволено богам?
Откуда девушка возьмёт мужскую силу,
да и какой мужчина переборет бога,
тут нужно быть Гераклом! Разве я Геракл?
Взял Гелиос меня, и зачала я сына.
Да разве можно было не рожать его?
Как можно божий дар швырять обратно богу?
Дары богов необходимо принимать,
хотя они нам и оттягивают руки.
Что делать было мне? В чём виновата я?

Отец меня к тебе сосватал, не спросив,
хочу ли я твоей супругой становиться.
Что сделать я могла? Остановить венчанье
(я лишь тогда тебя увидела впервые)
и заявить, что я уже не девственна?
Так, что ли? Опозорить и отца, и бога,
и будущего мужа? Да меня живьём бы
на месте разодрали! Как же я могла
себя с ребёнком так бездумно погубить?
Нет, я подумала: нечистоту свою
я верной жизнью искуплю и материнством,
и буду Меропу отличнейшей женой,
и подарю ему детей в законном браке,
и сделаю его счастливейшим из смертных!
Вот что решила я! Так убивай меня!
Одно лишь пятнышко на совести моей,
и это пятнышко ненасытимой бездной
сейчас меня поглотит! Вот и всё, Климена,
давай, с достоинством прими свой смертный час,
уже стучащий в дверь чугунною рукою,
иди к сыночку, мальчику любимому,
и обними его, и в глазки поцелуй,
и помни, что ты бога дочь. Не дрогни!
Красиво говоришь, как недоносок твой!
Ты правду слышал. В правде мало красоты.
Божественный язык твой хорошо подвешен.
Я больше ничего не стану говорить.
Жена, готовься к смерти. Горло открывай.
Не надо! Я прошу тебя! Прошу тебя!
Куда же подевалось мужество твоё?
Не убивай меня! Пошли меня к отцу!
Тебя пошлю я к Океану – в виде трупа.
Перед тобой ни в чём не виновата я!
Аид и Персефона в этом разберутся.
Прости меня, прости! Мне рано погибать!
Вот так с гадушкой расправляться надо...

Мер.
Кл.
Мер.
Кл.
Мер.
Кл.
Мер.
Кл.
Мер.
Кл.
Мер.
Кл.
Мер.

ГЕЛИОС

Мероп!!!

Остановись немедленно! Бросай свой нож,
над горлом женщины невинной занесённый!
А если ты меня ослушаться посмеешь,
то проклянёшь и мать свою, завидуя
последнему рабу, едящему помой!
Судьба нам обещала превосходный день,
который выдался и пасмурным, и горьким.
Взлетела ненадолго в небо колесница,
и камнем рухнула, и погрузилась в реку.
Её достал я из блистающей воды
и положил на берег. Пусть она оттуда,

издалека, эфир хоть как-то озаряет,
пока её не унесу я во дворец.
Гефеста надо попросить её исправить,
хотя с ним неприятно будет говорить.
Надеюсь я, что за ночь он свой труд окончит.
Коней нашёл в саду я, спутаны их гривы,
подпалены их шкуры, связаны копыта
густой травой: так мир цепляется за них,
пытаясь захватить их и в себе оставить.
Но смертному не удержать бессмертного,
и кони вновь со мною. Целые, живые.
Отвёл я их домой, а сам пришёл сюда –
и вот что вижу! Мероп, должен ты понять:
ни в чём Климена пред тобой не виновата.
Она была тебе прекраснейшей женой
и сделала тебя счастливым человеком.
Собою Солнце освещает целый мир,
все вещи наполняя лучезарным светом,
и вещи возвращают Солнцу свет его
по-разному, насколько им велит природа.
И если ярче камня зеркало зажжётся,
отталкивая струи золотых лучей,
то зеркало в огне своём не виновато,
да и лучи винить разумный человек
не станет. Получилось то, что получилось!
Я семенем своим Климену наделил,
и вырос из него божественный ребёнок,
себе не находил он места на земле,
метаний духа своего не постигая.
Из солнца было сердце соткано его,
и в клетки плотяной тоскливо было сердцу.
Мой бедный сын! Зачем тебе позволил я
жить на земле? Зачем твой разум возмутил я?
Средь смертных может жить лишь смертный или бог,
а смешанная кровь здесь не найдёт покоя.
Ты слишком был силен для этого дворца
и слишком немощен для бешеной лазури,
вот и не вышел из тебя ни царь, ни бог.
Хотел тебе я дать одну из Гелиад,
но ни одной из них ты выбрать не успел,
поэтому тебе всех семерых даю я,
пусть над твоей гробницей тополями
раскинутся и непрестанно слёзы льют,
затвердевающие жёлтым янтарём,
хранящим память о твоей несчастной смерти.
Склонясь на памятник, *прохладные деревья
руками нежными его обнимут крепко*,
и так останутся, пока не истекут
для траура назначенные месяцы.
Сам Зевс коснулся Фэтона молнией,

поэтому навек и телу, и гробнице
дано остаться неприкосновенными.
Однако Зевса ты не обвиняй, мой друг:
он должен был сдерживать коней остервенелых,
иначе мы с тобой бы тут не говорили,
а плавали бы в хаосе пылающем.
Ты плачешь, Мероп? Нож ты выронил из рук
и лезвие на белых плитах зазвенело...
Запомни, Мероп: я зачал лишь Фэтона,
но ты защитником ему был и отцом,
ты вырастил и обучил его, как сына,
и в этом смысле Фэтон и есть твой сын.
Ты спину выпрями и обними жену,
такой супруге позавидует и небо.
Не осуждай богов, не бейся головой
об обух, но живи и жизнью наслаждайся.
И сам ты будешь цел, и вся земля твоя.
Климена, ты должна простить меня за то,
что я доверил колесницу Фэтону:
был клятвой давней связан я, тебе же данной,
а клятву не дано нарушить и богам.
Божественную искру плоть не остановит,
она взлетит. Порвёт все путы и взлетит
хоть на мгновение, и остальная жизнь
уложится в единой точке наивысшей.
Поэтому, взлетев на небо, Фэтон
остался в небе навсегда. Я так считаю.
Теперь прощайте! Мне пора идти домой,
чтоб колесницу починить и дочерям
сказать о предстоящем превращении.
Уверен, что они со мною согласятся.

Мер. ...Иди сюда, Климена. Не дрожи, не бойся.
Как будто пелена упала с глаз моих.
Каким я был надменным! Старый остолоп!
Какую пустоту я чувствую в душе...

Кл. Прости меня, супруг мой. Виновата я.
Мер. Не надо у меня прощения просить.
Забыто всё. Как хорошо, что Гелиос
меня остановил! Мне и подумать страшно,
что в гневе мог тебе я горло перерезать.
Какое горькое существование
влачил бы я один, без дорогой супруги!
Сегодня утром сын был также у меня,
упрямый, гордый, неподатливый – но сын...
Теперь я знаю правду, но душа моя
всё любит Фэтона. Сын мой невозможный!

Кл. Сказал сам Гелиос, что Фэтон – твой сын.
Мер. Теперь я знаю, почему он никогда
не признавал во мне отца и не любил меня.
Кл. Не так, не так! Тебе он верным сыном был,

рассказу он про Гелиоса не поверил.
Был непослушным он, но в этом возрасте
все дети непослушны. Ты ведь это знаешь.
Припомни, как ты сам из дома убежал
на целый год и жил среди чёрных эфиопов,
а твой отец пошёл тебя разыскивать,
и как ты счастлив был, что он тебя увёл
от грязных шалашей и варваров жестоких.

Мер. Прости меня, Климена. Разум я утратил.
Такие планы я гигантские лелеял,
что потерял способность здраво рассуждать.

Кл. Могла бы я тебя простить, но позабыла,
за что ты просишь моего прощения.

Мер. Пойдём, душа моя, и сядем на террасе.
Пусть девушки вина туда нам принесут.

Кл. Пойдём, супруг мой. Обопрись мне на плечо.

Мер. Такое выпало несчастье нам, что нужно
нам вместе быть, пока нас время не излечит.

Кл. Тебя излечит время, милый мой супруг.

Мер. Не плачь, жена моя. Иди за мной. Не плачь...

Хор Спи теперь, Фаэтон, сладко спи.
Вечер тихо ступает на землю,
боги спят на Олимпе высоком,
спят и смертные, всё забывая
про страданья и беды земные.
Спи и ты, Фаэтон, сладко спи.

Брисбен, 23.06–28.08.2010